

Евгений Лукин, Любовь Лукина

Сталь разящая



Часть сборника
Зона Справедливости (сборник)



Евгений Лукин

Сталь разящая

«Автор»

1992

Лукин Е. Ю.

Сталь разящая / Е. Ю. Лукин — «Автор», 1992

«— Да поразит тебя металл! — вопила Мать. — Да заползет он тебе в руку, когда уснешь! Да лишишься ты рассудка и поднимешь металл с земли! Чага стояла бледная, как пепел. Уронив костяной гребень, она смотрела под ноги — на неровную, глубоко процарапанную черту, навсегда отделившую ее от живых. Вокруг песчаной проплешины шуршала, качалась трава, а живые по ту сторону стояли так тихо, что временами чудилось, будто в степи всего два человека: сама Чага и заходящаяся в крике Мать...»

© Лукин Е. Ю., 1992

© Автор, 1992

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	17
8	19
9	21
10	24
11	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Лукин, Любовь Лукина

Сталь разящая

© Лукин Е. Ю.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

– Да поразит тебя металл! – вопила Мать. – Да заползет он тебе в руку, когда уснешь! Да лишишься ты рассудка и поднимешь металл с земли!

Чага стояла бледная, как пепел. Уронив костяной гребень, она смотрела под ноги – на неровную, глубоко процарапанную черту, навсегда отделившую ее от живых.

Вокруг песчаной проплешины шуршала, качалась трава, а живые по ту сторону стояли так тихо, что временами чудилось, будто в степи всего два человека: сама Чага и заходящаяся в крике Мать.

– Да подкрадется он к тебе сзади! Справа! Слева! Да ударит он тебя в горло! В печень! В кость!

Где-то рядом фыркали и переступали стреноженные звери. Ветер перекачивал у ног рыжее облачко вычесанной шерсти, да колола глаз блестящая крупинка, так неожиданно легко погубившая Чагу.

Как отрывают присохшую к ране одежду, она отняла наконец взгляд от черты и увидела искаженные отшатнувшиеся лица сородичей. Все они были ошеломлены и испуганы – вопли Матери застали врасплох не только Чагу.

Впрочем, они уже приходили в себя. Тонкие губы Колченогой тронула ядовитая улыбка; Натлач с братом, переглянувшись, вопросительно уставились на Стрыя. А тот стоял неподвижно – огромный, страшный. Перечеркнутое шрамом лицо было обращено к Матери; в глазах – изумление и гнев.

Стрый!.. Чага подалась к нему, едва не заступив черту. Стрый не допустит! Он же сам говорил ей: «Вся надежда на тебя, Чага. Если ты не заменишь Мать, эта старая дура когда-нибудь всех нас погубит...» Сейчас он шагнет к ней, и изгнание обернется расколом семейства. Сначала Стрый; за ним, как всегда, коротко переглянувшись, – Натлач с братом; следом испуганно метнутся женщины – и Мать останется посреди степи вдвоем со своей Колченогой...

Стрый! Ну что же ты, Стрый?!

– Светлый! Быстрый! Разящий без промаха! – Мать кричала как можно громче и пронзительней. Знала: услышь ее кто-нибудь из другого семейства – и Чаге не дожить даже до полудня. – Приди и возьми! Мы отдаем тебе лучшее, что у нас есть!

Злобная, коренастая, Мать перехватила поудобнее клюку (ту самую, которой она проскребла глубокую черту в песчаном грунте) и, уцепив за вычесанную гриву одного из зверей – рыжую самку, – подтащила поближе, толкнула на ту сторону.

– Металл найдет тебя! – сорванным голосом бросила она в лицо Чаге и отступила, тяжело дыша.

Опрометчиво выросшее на открытом месте узловатое овражное дерево, по всему видать, ломанное металлом не раз и не два, зашевелилось, залопотало жухлыми листьями, и люди, очнувшись, тоже пришли в движение. Натлач с братом, неуверенно поглядывая на все еще неподвижного Стрыя, подняли, один – скатанную кошму, другой – наполненные водой мехи, и двинулись вслед за Матерью – откупаться. Бросили ношу за черту и, пробормотав: «Металл найдет тебя», отошли, недовольные, в сторону.

– Смотри! Мы отдаем тебе лучшее!.. – сипло завывала Мать.

Неправда! Бросали что похуже, думали, металл не поймет, поверит на слово. Рыжая самка прихрамывает: если верхом и навьючить – не осилит и двух переходов... А мехи старые, левый вот-вот порвется... Чага с ненавистью взглянула на Мать.

Одна за другой откупаться потянулись женщины. Притихшие, кидали к ногам скарб, утварь и, стараясь не смотреть на притягивающую взгляд крупинку металла, поспешно отходили.

Колченогая приковыляла последней – с кистенями в руках. Метнула наотмашь, надеясь прорвать мех. Промахнулась и чуть не заплакала от досады.

И вновь тишина поразила песчаный клочок степи – остался один Стрый. Момент был давно упущен: даже если он шагнет сейчас за черту, никто за ним не последует – все уже откупились от Чаги. И все-таки Стрый упрямо не двигался с места – стоял, опустив в раздумье тяжелую седеющую голову.

– Стрый!.. – Испуганный женский вскрик.

Он вздрогнул и, найдя глазами жену, быстро отвел взгляд. Поднял с земли седло и, тяжело ступая, пошел к черте. Все замерли. Если у Стрия хватит упрямства и глупости разделить изгнание с этой сумасшедшей, семейство лишится главного защитника...

Седло с глухим звуком упало в песок.

– Металл... – Хриловатый голос Стрия пресекся. Так и не подняв перечеркнутого шрамом лица, он неловко повернулся и побрел к живым.

Стрый сделал всего несколько шагов, когда красавец зверь редкой серебристой масти, полунавьюченный и лишенный пут, внезапно встряхнул развалистой гривой и, оглушительно фыркнув, двинулся к Чаге. С замедленной грацией ставя в песок чудовищные плоские копыта, он проследовал мимо остолебеневшего семейства и заступил черту. Натлач кинулся было наперехват, но вовремя отпрянул – зверь уже принадлежал металлу.

С тяжелой ненавистью все посмотрели на Чагу. Сочувствия теперь не было ни в ком.

И наконец медленно обернулся Стрый, видимо, догадавшийся по лицам сородичей, что случилось. Из-за этого зверя он убил четырех мужчин из семейства Калбы, из-за этого зверя погиб его сын, из-за этого зверя они оказались здесь, в чужой степи, вдалеке от знакомых кочевий...

Стрый смотрел. У него было лицо мертвого человека, и Чага вдруг ощутила, как сквозь страх и ненависть в ней поднимается чувство пронзительной жалости к этому стареющему тяжелодуму, такому опасному в бою и такому нерешительному в обычной жизни.

– Металл! – с удвоенной яростью взывала Мать. – Приди и возьми! Это не мы, это она звала тебя! Светлый! Быстрый! Разящий без промаха! Приди и возьми!

– Уходим!.. – через силу каркнул Стрый, и все кинулись распутывать зверей, связывать полураскатанный войлок, собирать скарб.

...Легкое облачко пыли оседало над покатым холмом, за которым только что скрылись живые. Чага нагнулась, подняла костяной гребень и, всхлипывая, стала зачем-то вычесывать бок рыжей самке. Гребень вывернулся из пальцев и снова упал в песок. Тогда она повернула залитое слезами лицо к оседающему пылевому облачку и вскинула кулаки.

– Пусть тебя саму поразит металл! – запоздало выкрикнула она вслед. Медленно опустила руки, постояла и, всхлипнув в последний раз, принялась собирать откуп.

Качалась трава, лопотали жухлые листья на узловатом искалеченном дереве, да посверкивала металлическая крупинка, лежащая совсем рядом с неровной глубокой чертой, на которую уже можно было наступать.

2

Нельзя было трогать семейство Калбы – закон запрещал нападать и на дальних родственников. Но Стрый сказал: «Все равно последние годы живем. Вторая стальная птица упала. Металл поднимается по всей степи – он сам нарушает закон...»

Недоброе дело, и добра оно не принесло. Стрый добыл Седого зверя, но семейству пришлось бежать в разоренную степь. Именно там полгода назад упала стальная птица, и разъяренный металл, забыв свой давний уговор с людьми, бил сверху, уничтожая в укрытиях целые семейства, вздувал волной землю и срывал ломкий кустарник с холмов.

На перепаханной сталью земле вставляли быстрые, неохотно поедаемые зверями травы, всюду мерещился запах падали. Но настоящая опасность ждала беглецов, когда, оставив позади разоренные степи, они вышли к поросшему звонким камышом берегу незнакомой реки.

Мать решила переправляться на ту сторону, и это было безумие. В синем утреннем небе то и дело возникали спиральные мерцающие паутины, а взбитые страхом птицы ушли в неимоверную высоту. Чага чуяла нутром, что за рекой все напряжено, что металл вот-вот начнет роиться, но упрямая коренастая старуха (Матери было за сорок) просто заткнула ей рот.

Стрый хмурился. Он давно уже не доверял чутью Матери, но оставаться на этом берегу и впрямь было опасно – похищение Седого подняло в седла всех родственников Калбы по мужской линии.

К счастью, место для переправы выбрали неудачное: потеряли выюк, утопили мохноногого сосунка, провозились до полудня. А преследователи вблизи переправы так и не показались – видно, отстали еще в разоренной степи...

Места за рекой пошли плохие, тревожные. Выбитая неизвестно кем полузаросшая тропа тянулась вдоль густого коричневого сушняка – явно все соки из земли были выпиты зарывшимся в нее металлом. Попадались кости, сгнившая рухлядь, иногда из хрупкой путаницы ветвей опасно подмигивал осколок.

Трудно сказать: этот резкий короткий хруст в дальнем конце высохшей рощи – он был или просто почудился? – но только Чага не раздумывая бросилась с седла на землю. Рядом, едва не придавив хозяйку, тяжелой громадой рухнул испуганный зверь. Залегли все – и люди, и животные. А спустя мгновение сушняк словно взорвался дробным оглушительным треском, и летящий насквозь металл с визгом вспорол воздух над их головами.

Очевидно, сталь сама уходила из-под удара – пронизав ломкие заросли, метнулась меж холмами и там была перехвачена враждебным роем. Воздух звенел, лопался, кричал. Приподняв голову, Чага видела, как седловина, куда их вела выбранная Матерью тропа, исчезает в неистовом мельтешении металлической мошкары. Не задержись они на переправе, живым бы не ушел никто.

И все же несчастье случилось. Бой кончился, седловина сверкала россыпью осколков, в дебрях сушняка выл и трещал огонь, а Седой зверь – единственный – остался лежать, дрожа и закатывая в ужасе лиловый глаз. Из жесткой длинной шерсти на спине торчал кусок металла, вонзившийся острым концом в жировой горб.

Стрый метался по опушке чуть не плача, и на это было так жалко смотреть, что Чага подошла к Седому, раздвинула шерсть и извлекла осколок. Голыми руками.

Как они все тогда отшатнулись от нее! А она отшвырнула окрашенную кровью сталь и двинулась, оскаленная, прямо к попятившейся Матери.

– У тебя дряблая матка! – с наслаждением выкрикнула она в ненавистное, смятое глубокими морщинами лицо. – Ты уже не чуешь металл! Ты не слышишь, когда он идет на нас!..

Глядя исподлобья, Мать отступала к подожженному металлом сушняку и торопливо наматывала на руку сыромятный ремень кистеня. Чага шла на нее безоружная, и никто

не решался встать между двумя женщинами. К счастью, Чага и сама сообразила, что не стоит доводить Мать до крайности, и, остановившись, продолжала осыпать ее оскорблениями издали.

– Если ты решила отдать нас металлу, то так и скажи!..

Мать молчала, въедаясь глазами то в одно лицо, то в другое. По закону Чагу следовало изгнать, но изгнать ее сейчас?.. Нет. Слишком уж дорого обошелся семейству Седой зверь, и слишком уж велика была вина самой Матери...

На ночь они окопались на берегу в указанном Чагой месте. Алое закатное солнце падало за неровный облачный бруствер, когда к Чаге подошел Стрый – мрачный, как разоренная степь.

– Старая дура, – проворчал он, присаживаясь перед костерком. – Всех погубит, все семейство, вот увидишь...

Выбрал хворостину потолще, положил на ладонь так, чтобы концы были в равновесии, и медленно по-особому сжал кулак.

– Плохие времена наступают... Раньше металл был спокойнее... Стальные птицы не падали, никто о них и не слышал... – Он помолчал и повернул к Чаге изуродованное лицо. – Я скажу мужчинам, а они уговорят жен. Матерью семейства будешь ты.

– По закону Мать должна уйти сама, – напомнила Чага.

– По закону... – Стрый усмехнулся. – По закону металл не должен бить сверху, а он бьет... Когда шли через разоренную степь, нашел я старое укрытие, в нем осколков больше, чем костей...

– Там упала стальная птица, – сказала Чага.

– Стальная птица – тоже металл, – хмуро ответил Стрый. – Раз он нарушает закон, значит и я нарушу... Матерью семейства будешь ты.

– Она не уйдет добровольно, Стрый...

– А не уйдет – изгоним! – Он шевельнул пальцами, и хворостина, хрустнув, сломалась у него в кулаке...

Зачем она поверила ему! Ведь знала же, знала, что кому-кому, но только не Стрию тягаться с Матерью в хитрости... И все-таки поверила.

Несколько дней вела себя как дура: пыталась командовать, то и дело перечила Матери. А та уступала ей во всем. Уступала и терпеливо ждала случая. Видела: власть ударила девчонке в голову, девчонка неминуемо должна оступиться...

Так оно и вышло. Чага чистила рыжую самку и заметила в комке вычесанной шерсти крупинку металла. По закону шерсть надлежало немедленно сжечь, а тому, кто сжигал, пройти очищение. Но, то ли уверовав в собственную безнаказанность, то ли просто машинально, Чага, повторяя преступление, на глазах у женщин взяла двумя пальцами сверкнувший осколочек и отбросила в сторону.

И тогда раздался вопль Матери.

3

Они бежали от Чаги в такой спешке, будто и вправду верили, что металл поразит преступницу немедля. На самом деле блистающая смерть могла годами щадить изгнанника, разя взамен невинных и правых. И в этом был глубокий смысл: указывая металлу, что ему следует делать, люди могли возгордиться.

Однако справедливость требовала, чтобы преступник был наказан. Поэтому при встрече с таким отверженным самого его надлежало убить, а зверя и скарб взять себе в награду за доброе дело. В том, что дело это именно доброе, сомнений быть не могло – изгоняли редко и лишь в двух случаях: за убийство сородича и за прикосновение к металлу.

А узнавали изгнанника просто: одинокий прячущийся чужак, как правило, молодой и здоровый. Стариков и калек тоже оставляли в степи, но к ним, конечно, отношение было иное – всякий понимал, что рано или поздно ему суждено то же самое...

Чага хорошо помнила, как Стрый и Натлач захватили молодого чужака, который вместо того, чтобы достойно умереть в бою, попытался прикинуться калекой – говорил, что у него одна нога совсем не ходит. Пленника раздели и, осмотрев, проделали с ним такое, от чего нога мигом пошла. Мужчины сломали ему пальцы и отдали его женщинам. Те, посмеиваясь, увели бледного, как кость, изгнанника за холм, а Колченогая обернулась и крикнула:

– Чага! Ты уже взрослая! Идем с нами!..

Но Чага тогда побоялась почему-то последовать за Колченогой, а вечером все-таки вышла за холм и, отогнав пятнистых хищников, посмотрела. Трудно уже было сказать, что с ним сделали женщины, а что – хищники...

Изгнанницу бы отдали мужчинам...

Чага вздрогнула: показалось, что с вершины холма за ней наблюдает всадник. Это качнул спутанной желто-зеленой макушкой попади-в-меня – невероятно цепкий и живучий кустарник, растущий, как правило, на самых опасных местах. Металл терзал его и расшвыривал, но каждая срубленная ветка тут же запускала в землю корень, и рассеваемый таким образом кустарник быстро захватывал целые склоны...

Теперь ей часто будут мерещиться всадники... До самой смерти.

Чага остановилась и, подойдя к Седому, поправила выюк так, чтобы он не касался подживающей раны на горбу. Ведя обоих зверей в поводу (Рыжая заметно хромала), изгнанница пробиралась длинной неизвестно куда ведущей низинкой и все никак не решалась выйти на холм и осмотреться. Оба склона были уставлены живыми столбиками – зверьки стояли довольно далеко от нор и безбоязненно провожали Чагу глазами...

И еще был изгнанник-убийца. Бродяга, уничтожавший ночами целые семейства. Чага была ребенком, когда на охоту за этим таинственным и страшным человеком поднялась вся степь. Его сбили с седла и изломали где-то чуть ли не у самых Солончаков. Потом рассказывали, что обе женщины, которых он когда-то украл и сделал своими женами, дрались вместе с ним до последнего. Странно. Уж их-то бы не тронули...

Чага достала из седельной сумки кистень и, накинув петлю на запястье, намотала ремень на руку. Если ей повезет и первыми на нее наткнутся не мужчины, а женщины с такими же вот кистенями, то все решится очень просто. Главное – вовремя подставить висок. Она вспомнила, какое лицо было у пленника, когда женщины вели его за холм, и стиснула зубы. Что угодно, только не это...

Оба склона шевельнулись, и Чага вскинула голову. Кругом чернели норы. Зверьков не было.

На блекло-голубое полуденное небо легла сверкающая царапина. Потом еще одна. А секунду спустя в высоте словно лопнула огромная тугая тетива, и неодолимый ужас, заставля-

ющий судорожно сократиться каждую мышцу, обрушился на Чагу с севера. Там, за покатым лбом поросшего желто-зеленым кустарником холма, стремительно пробуждалась блистающая смерть.

Думая про опасности, связанные с людьми, Чага впервые в жизни забыла о том, что на свете есть еще и металл.

4

Хватаясь за колючие, легко рвущиеся космы кустарника, она выбралась на бугор и задыхалась. Небо на севере было накрест исчеркано мгновенными сверкающими царапинами, а тоскливый лишайный сил ужас наваливался теперь с трех сторон – такого Чага еще не чувствовала никогда.

Внизу, закинув красивую горбоносую морду, истошно затрубил Седой.

Успеют ли они выбраться отсюда? Раздумывать над этим не следовало и вообще не следовало уже ни над чем раздумывать. Пока не закрылась брешь на юго-востоке – бежать!.. Правда у Седого еще не поджила спина, а Рыжая хромает... Но выхода нет, Седому придется потерпеть...

Чага повернулась, намереваясь кинуться вниз по склону к оставленным животным, как вдруг новая плотная волна страха пришла из степи, толкнула в грудь... Это сомкнулась брешь на юго-востоке. Металл шел отовсюду.

Оскальзываясь, оступаясь, увязая в колючих желто-зеленых зарослях, она скатилась вниз и, поймав за повод сначала Седого, потом Рыжую, потащила их по низинке. Сейчас здесь будет не менее опасно, чем на вершине холма. Уходя из-под удара металл частенько использовал такие ложбины; он пролетал по ним, стелясь над самой землей, и горе путнику, решившему переждать там стальную метель!

Низинка все не кончалась и не кончалась, но зверей Чага бросить не могла. Какая разница: погибнуть самой или погубить животных? Все равно пешком от металла не уйдешь...

Склоны наконец расступились, и в этот миг сверкнуло неподалеку. Воздух запел, задрожал. Огромные тугие тетивы лопались в высоте одна за другой.

Обеспамятев от страха, Чага все-таки заметила шагах в двадцати небольшой голый овражек и рванулась к нему. Укрытие ненадежное, но другого нет. Металл не любит углублений с обрывистыми краями, и если овражек достаточно глубок...

Воздух взвизгнул над ухом, заставив отпрянуть. Едва не обрывая повод, Чага тащила испуганно трубящих животных к единственному укрытию, а они приседали при каждом шаге и все норовили припасть к земле. Пинками загнала их в овражек и спрыгнула следом сама.

«Это Мать!.. – беспомощно подумала она, упав лицом в жесткую шерсть на хребте Седого. – Это ее проклятие...»

Рычало небо, пели осколки, а потом издалека пришел звенящий воющий крик и стал расти, съедая все прочие звуки. Чага подняла глаза и даже не смогла ужаснуться увиденному, настолько это было страшно.

Огромная стальная птица спускалась с небес.

Вокруг нее клубилось сверкающее облако обезумевшего металла. Блестящая смерть кидалась на крылатое чудовище со всех сторон, но каждый раз непостижимым образом промахивалась. Один атакующий рой остановился на мгновение в воздухе, потом задрожал, расплылся и вдруг отвесно метнулся вниз. Шагах в тридцати от овражка вспухло облако пыли, земля дрогнула.

Стальная поземка мела через холмы. Казалось, настал последний день мира, металл пробуждался по всей степи.

И все это из-за нее одной?!

Чага вдруг поняла, что стоит в рост на дне овражка, – преступница, из-за которой гибнет мир.

Но смерть медлила. Стальная птица, выпустив ужасающие когти, зависла почти над самым укрытием (Чага ясно видела ее мощное синеватое брюхо), и в этот миг металл все-таки узвил чудовище, подкравшись сзади.

И птица закричала еще страшнее.

Клювастая голова ее лопнула, исторгла пламя, из которого выметнулось вдруг нечто темное и округлое, а сама птица, продолжая кричать, рванулась вверх и в сторону. В то же мгновение металл, бестолково метавшийся над степью, словно прозрел и кинулся на раненую тварь – догнал, ударил под крыло, опрокинул, закрутился плотной сверкающей тучей, прорезаемой иногда вспышками белого пламени.

Но Чага смотрела уже во все глаза на новое диво: из ревущего, исхлестанного сталью неба медленно опускался яркий купол, под которым покачивался на сбегających воедино ремнях большой яйцеобразный предмет. Ему оставалось до земли совсем немного, когда опаздывающий к расправе рой вспорол ткань, рассек ремни, и темное полупрозрачное яйцо грянулось оземь с высоты двойного человеческого роста. Подпрыгнуло и раскололось надвое, явив металлическое нутро, из которого (Чага не верила своим глазам!) неуклюже выбрался человек. Мужчина.

Вокруг неистовствовал металл, а человек шел, шатаясь, шел прямо к ней, к Чаге, и на нелепой его одежде знакомым гибельным блеском отсвечивали какие-то пряжки и амулеты. Выкрикивая непонятные заклинания (или проклятия), он прижимал к губам плоский камень с торчащим из него стальным стеблем, но Чагу потрясло даже не это, а то, что младенчески-розовое лицо мужчины было озарено сумасшедшей, ликующей радостью.

За спиной его грянул взрыв, полетели сверкающие обломки, но человек даже не заметил этого. Все еще невредимый, он брел к ней, и Чага поняла, что через несколько шагов он свалится в овражек, а следом за ним, почуяв наконец прикрепленные к одежде железки, в ее ненадежное укрытие ворвется металл – быстрый, светлый, разящий без промаха!..

Закричав от страха, Чага каким-то образом оказалась вдруг наверху, выхватила из неожиданной слабой руки камень с металлическим стеблем и швырнула что было сил. Брызнули осколки. Сбитый влет предмет разлетелся вдребезги совсем рядом.

Свалив одной оплеухой еле держащегося на ногах незнакомца, упала сама и принялась срывать, отбрасывать все эти пряжки, амулеты, пластины, ежесекундно ожидая хрустящего удара в затылок.

Но металл помиловал ее. Сорвав последнюю бляху, она, почти теряя сознание, дотатила бесчувственное тело мужчины до оврага, и в этот миг земля содрогнулась от чудовищного удара.

Это врезалась в грунт добитая металлом стальная птица. На месте ее падения взревело огромное пламя, а сверкающая мошкара все летела и летела в этот неслыханный костер, сгорая волна за волной.

5

Металл бушевал весь день. В мерцающий воздух над истерзанной степью взвивались все новые потоки крохотных стальных убийц. Чага и не думала, что земля может хранить в себе столько металла.

Потеряв главного врага, блистающая смерть снова распалась на стаи, сразу же кинувшиеся в остервенении друг на друга.

Устав бояться, Чага равнодушно смотрела на разыгрывающиеся в зените битвы. Под сыплющимся с неба дождем мелких осколков она переползала от зверя к зверю, поправляла выюки так, чтобы защитить самое уязвимое место – между горбом и шеей.

Отцепившийся краешек пикирующего роя, снеся кромку, ворвался в овраг и, глубоко вонзившись в рыхлый грунт противоположного склона, взорвался, наполнив укрытие свистнувшей металлической крошкой, пылью и запахом смерти. Чага легла рядом с Седым и стала ждать повторного удара. Не дождавшись, поползла к мужчине, который все еще был без сознания.

Недоуменно нахмурясь, взгляделась в блаженное розовато-желтое лицо, оторвала от странной одежды две не замеченные ранее железки, прикопала...

Все это не имело ни малейшего смысла. Уцелеть в мелком овражке посреди такой круговерти все равно было невозможно. Поэтому, когда к вечеру металл подался вдруг всей массой на север, открыв относительно безопасное пространство на юге, Чага даже не очень этому обрадовалась. Точнее, не обрадовалась вовсе. Шансов спастись бегством было немного – металл имеет обыкновение возвращаться...

Тем не менее она перевьючила зверей: скарб – на Рыжую, а Седой повезет незнакомца...

Усталым спотыкающимся шагом она вела их в поводу всю ночь. Темнота рычала, взвизгивала, иногда обдавала лицо трепещущим ветерком. Чага только дергала повод, когда звери пытались упасть, она знала, что к рассвету все будут мертвы: и звери, и она, и странный незнакомец...

Но рассвет наступил, и обессиленная Чага вдруг осознала, что самые опасные места остались позади. Возле размолотой металлом рощи она нашла брошенное полуобвалившееся укрытие, кое-как освободила зверей от ноши и, прикорнув под земляной стенкой с белыми торчащими корешками, провалилась в сон.

Проснувшись от ощущения опасности – стальная птица взбудоражила металл по всей степи. Голова была тяжелая, усталость разламывала суставы, но надо было уходить. И на этот раз быстро, не дразня судьбу и не жалея животных...

Рядом застонал мужчина. Запрокинутое лицо его уже не было счастливым и розовым, как вчера, – бледное, искаженное страданием, запекшийся рот мучительно приоткрыт. Чага коснулась щеки незнакомца и подивилась гладкой шелковистой кожей.

«Нежный, – с сожалением подумала она. – Не выживет...»

Выбралась из укрытия и направилась к изломанной роще, где дерзко поднимал ярко-желтую голову цветок на мясистом стебле, чудом уцелевший в эту ночь. Как и сама Чага.

Она не стала срывать его – рядом были другие, срубленные. Выкопала несколько луковиц, наполненных горьким целебным соком, потом, привлеченная жужжанием, выпрямилась, всмотрелась.

Неподалеку роились мухи, зеленые, со стальным отливом, те самые, что состоят в родстве с металлом, ведут себя, как металл, и приходят сразу же, как только удаляется он. В гряде исковерканных ветвей темнела туша навьюченного зверя. Чага сделала шаг к убитому животному и чуть не споткнулась о труп человека.

Это была Колченогая. Пораженная металлом в грудь, хромоножка мечтательно смотрела в небо. Никогда в жизни лицо Колченогой не было таким красивым.

Чага обернулась. Неподалеку лежал Натлач. А рядом – то, что осталось от Матери...

Она нашла всех. Из людей живым не ушел никто. Им даже некуда было податься, прижатым к роще. Стрый оказался прав: старая дура все-таки погубила семейство. Сам он лежал со снесенным затылком, уткнувшись изуродованным лицом в землю, словно не желая смотреть на то, что натворила Мать.

Со стороны укрытия снова раздался слабый стон, и Чага вспомнила, что в руке у нее лекарственные луковицы, что в яме лежит смертельно бледный, но, судя по стону, живой мужчина, что надо спешить: опустошив степь на севере, металл обязательно двинется к югу...

Взглянула еще раз на громадное беспомощное тело Стрия и пошла обратно. Выдавила содержимое луковиц в черепок, разбавила водой из меха и, приподняв мужчине голову (волосы мягкие, невыгоревшие), поднесла ему черепок к губам. Не открывая глаз, он сделал судорожный глоток и поперхнулся – пойло действительно было очень горьким.

– Пей, – велела Чага. – Надо.

6

Отдохнувшие звери бежали по разоренной степи размашистым крупным шагом. Рыжая самка почему-то перестала хромать – видно, притворялась, хитрая тварь! – и теперь шла, обгоняя Седого на полкорпуса.

– Йо!.. Йо!.. – Чага наконец-то почувствовала себя живой.

Проклятие не сбылось – металл отпустил ее. Мало того, он дал ей мужчину – странного мужчину с нежной, не тронутой солнцем кожей, стонущего от боли, как женщина, и все же двое – это уже семейство, и теперь никто не посмеет поступить с Чагой, как с изгнанницей!

Ее близкие погибли. Но разве они не бросили Чагу в степи? И разве Стрый не предал ее, побоявшись шагнуть за черту и разделить с ней изгнание? Мать часто говорила, что металл справедлив. Да! Он справедлив! Поэтому Рыжая и Седой навьючены всем лучшим, что у вас было!..

– Йо!.. Йо!.. – кричит Чага, и звери послушно удлиняют шаг.

Лишь бы незнакомец выдержал этот переход!.. Ему уже лучше – когда она сажала его в седло, он вдруг очнулся, забормотал, стал даже слабо сопротивляться. Не обращая на это никакого внимания, Чага связала ему ноги под брюхом зверя, а руки приторочила к переднему выюку.

Он и теперь то и дело приходит в сознание, и тогда лицо его, мотающееся над мохнатым горбом Седого, становится изумленно-жалобным. Незнакомец явно не понимает, что происходит, но это и не важно...

Главное, чтобы он выдержал переход.

7

Такое ощущение, что кто-то глодал ему череп изнутри.

Влад стоял в неглубокой травянистой низинке и, держа в слабых руках большой костяной гребень, через силу вычесывал лохматое, ни на что не похожее животное. Женского пола и огненно-рыжей масти.

«Главное – не терять юмора, – преодолевая головную боль, думал он. Снимал с зубцов нежные рыжие клочья и запихивал их в висящий у него на боку мешок. – Нет, кроме шуток, это довольно смешно: пилот первого класса – и занимается черт знает...»

Не дав ему завершить мысль, зверь шумно вздохнул и переступил, норовя поставить чудовищное плоское копыто на ногу Владу, которую тот, впрочем, вовремя отдернул.

– Ты! Ж-животное! – злобно сказал Влад. – А по рогам сейчас?

Животное повернуло безрогую голову и равнодушно посмотрело Владу в глаза. Черт его знает, что за тварь – не то лошадь, не то верблюд. А может, и вовсе лама.

«Ну что за свинство! – с горечью мыслил Влад. – Ну вернулся бы с победой, ну разбился бы в крайнем случае... Но оказаться здесь в таком качестве!..»

Кстати, а в каком качестве он здесь оказался? Кто он, собственно говоря? Пленник? Раб?.. Между прочим, последнее предположение очень похоже на правду. Стоило Владу прийти в себя, как эта кошмарная, дочерна загорелая туземка тут же сунула ему в руки скребок и чуть ли не пинком погнала на работы. И сама трудится, как каторжная, – смотреть жутко...

Влад оглянулся. В пологом, оплетенном ползучей травой склоне чернела прямоугольная яма с бруствером. Из ямы равномерно летели комки земли. Углубляется... Ну правильно – здесь же эти... разрегулировавшиеся противопехотные комплексы, черт бы их всех побрал!.. Как они тогда подгадали ему при посадке в левую дюзу! И всего-то надо было – поставить вовремя пассивные помехи, распылить металлический порошок... А на грунте они бы его потеряли из виду: облучай не облучай, корпус-то поглощающий...

Боль в голове заворочалась, словно устраиваясь поудобнее, и Влад поморщился. Переждав, повернулся к рыжей скотине, занес гребень и тут же в задумчивости опустил.

А ведь его уже, наверное, похоронили... После катапультирования «пташка» сделала, что могла: утащила за собой металлических пираний, задала им трепку, после чего подорвалась. С орбиты это, должно быть, выглядело эффектно. Не менее эффектно, чем взрыв «пташки-2» полгода назад, с той только разницей, что Джей даже не успел катапультироваться...

«Так, – спохватился Влад. – А что это я стою и ничего не делаю? Этак она мне опять жрать не даст...»

Он снова занес гребень и немедленно почувствовал неизъяснимое отвращение к этому, на его взгляд, совершенно бессмысленному занятию. Ну сколько можно вычесывать зверюгу? Утром же только вычесывал! Почему не дать животному обрасти, как следует, а потом уже...

– Чага! – позвал он в раздражении.

Земля перестала лететь через бруствер, и из ямы встала госпожа и повелительница. Темное неподвижное лицо и строгие прозрачно-серые глаза без особых признаков мысли. Вот ведь идолица, а? Хоть бы вопрос на лице изобразила! Нет, стоит смотреть...

– Зачем? – проникновенно спросил Влад, указывая гребнем на вычесанную часть зверя, не слишком, впрочем, отличающуюся по шелковистости и струйности от невычесанной.

Чага смотрела. Казалось, услышанное проникает в ее сознание не напрямую, а по каким-то извилистым, хитро выточенным каналам. Наконец темные губы шевельнулись. Одни только губы, лицо так и осталось неподвижным.

– Надо.

Коротко и ясно. Надо. Первое туземное слово, понятое и выученное Владом. Да и как не выучишь, если на любое недоумение следует один и тот же ответ: надо!..

Вчера она поймала в силок какого-то суслика и вручила Владу с тем, чтобы тот свернул ему голову. Влад, естественно, отказался с содроганием. Сверкнула глазами, выхватила зверька и, прижав к плоскому камню, коротко хрустнула кремневым рубилом. У Влада аж все внутри перевернулось. Обаятельный такой зверек, полосатенький... Тушку натыкают на прут, чем-то поливают и жарят над костром, укрепив в наклонном положении...

Говорят, при головной боли есть не хочется... Черта с два! Влад жестом дал понять, что вопросов больше не имеет, и, снова повернувшись к зверю, неловко занес гребень.

Чага задумчиво смотрела ему в спину. Наверное, металл украл его еще ребенком – кожа бледная, слов не знает, гребень держит неправильно... Чага, правда, никогда не слыхала, чтобы металл воровал детей, но после встречи со стальной птицей готова была в это поверить. Видно, он был очень хорошеньким ребенком... А потом вырос, надоел металлу, и тот решил бросить его в степи... Только никому не следует говорить о том, кто он такой... и о том, кто она такая... Если спросят, Чага ответит, что семейство погибло, а они, двое уцелевших, бегут из разоренных степей.

И это, в общем-то, будет правдой.

8

Спустя несколько дней Влад лежал в мелкой, им самим выкопанной могилке с четырьмя брустверами, смотрел в ночное безлунное небо и чувствовал себя совершенно больным. Суставы разламывало, мышцы при малейшем движении только что не скрипели. Четыре окопа за вечер – шутка? Да еще таким инструментом! Хорошо, хоть грунт мягкий...

Но это все не главное... А главное, что сгинула наконец головная боль и можно осмыслить приключившееся, пока смертельная усталость не потащила в сон...

Итак, помощи с орбиты ждать не стоит... Даже если он что-то сумел передать после катапультирования (а в эфире тогда творилась, мягко говоря, свистопляска), каким образом они могли бы ему помочь? «Пташка» – аппарат уникальный, сконструированный специально для высадки на эту планету, и второй такой в природе (и, что особенно важно, в экспедиции) пока не имеется... Черт! Неужели она и завтра заставит его копать?! На ладонях уже кожи не осталось!.. Впрочем, это к делу не относится...

В черном небе, усаженном крупными ласковыми звездами, кто-то тронул и тут же приглушил мощную басовую струну. Рыдавшее вздохом за холмом местное подобие шакала мгновенно смолкло, и в наступившей тишине что-то с дробным хрустом ударило в землю. Запел, удаляясь, крупный осколок.

«Гляди-ка, – отметил Влад. – И ночью летают. Хотя какая им разница – день, ночь... Вот ведь изобрели чертовщину...»

Он приподнялся и тыльной стороной ладони откинул кожаный полог подальше на бруствер. Странные тут, ей-богу, обычаи... Одно только это бесконечное вычесывание зверей чего стоит! А вода! За каким, спрашивается, дьяволом надо возить с собой воду в бурдюках, если местность буквально изрезана мелкими речушками? И с пологом этим тоже чепуха какая-то... Дожда нет, зачем его растягивать над ямой? От прямого попадания он не защитит, а осколок на излете переживем как-нибудь... Вот ведь вредный характер у девки! Поэтому, наверное, и кочует в одиночку...

Нет, ну, конечно, спасла, можно сказать, из-под обстрела вынесла, зельем каким-то отпоила и вообще содержит... Но ведь нельзя же так бесцеремонно! Я что, помогать не согласен? Хоть бы поинтересовалась для приличия: кто, откуда... Можно подумать, у них тут каждый день мужики с неба падают!..

В безветренной звездной вышине что-то просвиристело: то ли птичка, то ли опять что-нибудь этакое... разрывного характера.

Четвертая попытка высадки намечена через полгода. Ну, допустим, высадутся... Где они будут высаживаться, и где в это время будет Влад? Материк – огромный, пустынный – тянется вдоль экватора, как кишка, после чего соединяется перешейком со вторым таким же – поменьше... Так что же, кочевать здесь до конца жизни?! Между прочим, вполне возможный вариант...

Внезапно Влад сел на подстилке, как подброшенный.

«Ты что разнылся? – осатанев, спросил он себя. – Что значит – не найдут? За четвертой попыткой будет пятая! Шестая!.. Мы же не отступим! Случая еще не было, чтобы отступили! Пусть подберет двадцатая, тридцатая экспедиция – все равно данные твои будут уникальны!.. Да Бальбус за такую возможность душу бы не глядя продал! Изучать – не в телескоп, не с орбиты, а прямо здесь, на собственной шкуре!..

За холмом опять зарыдала какая-то четвероногая дрянь. Влад опомнился и, смущенный нечаянным залпом громких слов, пусть даже не произнесенных вслух, крикнув, опустился на подстилку.

Легко сказать – изучать... Чем изучать, если эта чертова девка выкинула все, что было в карманах!.. И с комбинезона зачем-то все оборвала... Может, она пластик за металл принимает? Вот идиотка!..

И Влад, все более выходя из себя, стал припоминать, как Чага расправлялась с содержимым его карманов. Происходило это прямо у него на глазах, а он тогда еще был слишком слаб, чтобы встать и воспрепятствовать... А самое смешное – нож оставила. Пластик выкинула, нож оставила! Сидела дура душой минут пять – все пялилась на тусклую с поглощающим слоем рукоятку. А нажми нечаянно кнопку, выскочило бы стальное лезвие – и прощай, ножик!..

Она и комбинезон с него стянуть пыталась. К счастью, расстегнуть не смогла, а разрезать нечем – каменный век... Стоп! Блокнот! До блокнота она, кажется, не добралась...

Влад схватился за грудь и извлек из кармашка книжицу с прикрепленным к корешку стилем. Ну слава богу, а то уж впору было думать о пергаменте... Вот с завтрашнего дня и начнем – коротко, экономя странички... Кто его знает, на сколько лет придется этот блокнот растягивать...

Мысли уже начинали путаться, сон распахивался черной глубокой ямой. Не дай бог, если завтра она решит отсюда сниматься... Тогда вечером снова копать...

9

Словно издеваясь над Владом, следующие несколько дней металл не показывался вообще. Звери с неспешной грацией переставляли голенастые ноги среди высокой негустой травы. С виду вполне земная степь, если бы не эти приземистые клубящиеся вдалеке рощи, или, точнее сказать, заросли – серо-зеленые, плотные и спутанные, как очески с того же зверя.

Порождение металла... Анкона, биолог экспедиции, был помешан на этих рощах и мог рассказывать о них часами. Когда-то, около тысячи лет назад, здесь предположительно была обычная лесостепь. Потом по лескам загуляла стальная пурга, прошивая их насквозь, оставляя за собой буреломы, срубленный молодняк и прочие прелести. Все это, конечно, сохло, горело, исчезали древние породы деревьев, а на пепелищах, борясь за жизнь, душили друг друга сорняки. Битву выиграл вид, слегка напоминающий земную иву – с коротким, как обрубок, стволом и фонтаном серо-зеленых веток, каждая из которых, коснувшись почвы, немедленно в ней укоренялась и выбрасывала новые и новые побеги...

Собственно тут все – порождение металла. Травы эти, например, до пояса и выше... Наверняка у них единая корневая система: вырвешь стебель – тут же вырастет новый...

А вот самого металла и впрямь что-то нигде не видно. Ни на земле, ни в воздухе. Однажды, правда, слышалось некое звяканье под широким копытом Седого. Влад хотел было окликнуть Чагу, чтобы далеко не уезжала, но вовремя прикусил язык. Хватит, окликнул уже вчера! До сих пор оторопь берет... Влад теперь и сам не помнил, что ему тогда понадобилось от Чаги. Просто позвал. Ну, может быть, несколько отрывисто... Во всяком случае, эффект превзошел все ожидания: Чагу буквально смело с седла, и тут же наземь грянулась Рыжая самка. Затем Влад внезапно ощутил, что Седой под ним куда-то проваливается. Мгновение невесомости – и, преобольно ударившись копчиком о мощный крестец зверя, Влад кувыркнулся на землю, путаясь в редких длинных стеблях, нисколько не смягчивших удар.

Совершенно ошалелый, вскочил. Оба зверя лежали пластом, подставив ожидаемым осколкам поросшие жесткой пружинистой шерстью горбы. Полосатенькие суслики, которыми только что были утыканы все пригорки, исчезли. Потом из-за Рыжей самки поднялась Чага. Двинулась прямоком на Влада, и в прозрачно-серых глазах ее сверкало такое, что он даже попятился. Бросила пару слов, общий смысл которых был ясен и без перевода, и пошла поднимать животных...

Зато крепко запомнил на будущее: резкий окрик во время кочевья означает лишь одно: ложись!

Неплохо бы выяснить форму обращения, после которого не залегают и не начинают окатываться...

Над степью протянулась долгая тоскливая нота, и Влад, выпрямившись в седле, принялся встревоженно озираться. Так и не найдя источник звука, в недоумении повернулся к Чаге. Та величественно и равнодушно покачивалась в седле. Ханша этакая... А вой все не кончался. Влад вслушался еще раз и вдруг понял: это пела Чага.

Господи, да что ж у нее за легкие! Ноет уже вторую минуту и все на одной ноте! У Влада аж зубы задрезбуждали, резонируя, и, запустив руку за отворот шерстяной вязаной куртки, он нервно почесал исколотое плечо. Да прекратит она когда-нибудь или нет?.. Ну слава богу: короткая дикая рулада – и пауза... Ой, надолго ли?.. Ну точно – снова дыхание набирает!..

Вчера она все-таки лишила его комбинезона, причем самым подлым образом: выкопала из тючка местную одежду и попросила примерить. Больше своего комбинезона Влад уже не видел. Хорошо хоть успел вынуть из карманов нож и блокнот...

Он сморщился и снова принялся скрести плечо. Как они, варвары, носят это на голое тело?! Кожа, должно быть, как наждак...

На вершине отдаленного пригорка что-то блеснуло подобно кусочку зеркала. Влад приподнялся, всматриваясь.

– Чага... – позвал он как можно мягче.

Ноющая нота оборвалась. Чага попридержала Рыжую, и теперь они ехали рядом.

– Что это? – спросил Влад, указывая на пригорок.

Чага бросила с недовольным видом простое короткое слово и, толкнув пятками Рыжую, снова ушла на корпус вперед.

Вот и думай теперь, что бы это могло означать... Металл? Осколок? Заткнись?

Да, язык, язык... Конечно, пока не выучишь язык, дело не пойдет. А попробуй выучи с ней – слова не выжмешь!..

Спутница жизни, черт бы ее побрал! И ведь не скажешь, что некрасива – напротив: стройная, сильная, большеглазая... Но, Господи, нельзя же быть такой раз и навсегда заведенной машиной! Ведь ничего человеческого – идол и идол... А за комбинезон убил бы! Если бы только поняла, за что...

Покачиваясь, они приближались к одной из рощ. Больше всего это напоминало огромную путаницу из толстой серо-зеленой проволоки, ветви в основном шли по дуге и упирались в землю. Все было заплетено до полной непроходимости и непролазности. А листья редкие, тонкие, почти хвоя...

На изгибе толстого побега, выметнувшегося метров на пять в степь, сидел, вцепившись коготками в древесину, похожий намышь зверек с большими выпуклыми глазами и, пропуская мимо всадников, делал вид, что его там нет.

Не удержавшись, Влад тихо (чтобы, боже упаси, снова не снять Чагу с седла) щелкнул языком. Зверек оборвался с полутораметровой высоты и сгинул в шевельнувшейся траве. Веселая планета. Что бы ни случилось – реакция одна: падай на землю... А ведь не выпустили они тысячу лет назад из-под контроля эти свои дурацкие противопехотные комплексы, еще неизвестно, кто бы стал хозяином космоса: мы или они!..

В серо-зеленой путанице ветвей внезапно открылась просека, заваленная ломким коричневым сушняком, сквозь который то там, то здесь уже взвивались новые побеги. Надо полагать, металл прогулялся... Ох, и будет все это гореть когда-нибудь!..

Чага вдруг оборвала песню и, остановив Рыжую, приподнялась на мягких стремянах.

– Йо!.. – Неожиданный крик – и оба зверя рванули с места крупным, ускоряющимся шагом. Влад едва успел ухватиться за горб Седого, невольно при этом выпустив поводья. Впрочем, Седой был зверь умный. Он давно уже не обращал внимания на бестолкового седока и просто следовал за Чагой...

Наблюдения пришлось прекратить и все внимание сосредоточить на том, как бы ненароком не вылететь из седла. К счастью, звери обладали мощным, но удивительно ровным бегом – пошатывало сильно, но без толчков.

Влад с нездоровым интересом ожидал пробуждения какого-нибудь прикопавшегося неподалеку микрокомплекса, но нет – ничего не свистело и не взвизгивало. Тем не менее гонка продолжалась около часа, пока впереди не за клубилось плотное, прибитое к земле облако листвы, вздымающееся из глубокой балки. Естественное укрытие, надо понимать...

Чага спешила и, держа Рыжую в поводу, стала ждать Влада. Тот слезал довольно долго, кряхтя и морщась.

– Чага, – спросил он. – Бежать. Зачем?

Она взглянула вверх, и Влад тоже запрокинул голову. Высоко в синеве мерцала еле различимая спиральная паутина.

– Что это?

Чага нахмурилась и произнесла короткое простое слово. То самое, которым она назвала осколок в степи...

– Металл, – сказала Чага. – Смотрит.

10

Балка оказалась прелюбопытнейшим местом. По дну ее протекал ручей, а на склонах росли толстоствольные, явно реликтовые деревья – разлапистые, с мощными ветвями, полностью заслонявшие небо.

Ну правильно, балка место влажное, пожары здесь не так уж и страшны. Как раз в таких вот уголках и должны были уцелеть реликтовые виды. Хотя, разумеется, отбор и по ним прошелся частым гребнем: видимо, выживали в основном особи, простиравшиеся не столько ввысь, сколько вширь...

Берега ручья тонули в темно-зеленом облаке растений, с виду представлявших точную копию земных папоротников. Тоже несомненный реликт...

– Чага, – позвал Влад. – Копать надо?

Чага с некоторым удивлением посмотрела на него и вдруг улыбнулась. Впервые.

– Не надо, – сказала она. – Костер. Дерево.

И коротко глянула вверх. Ошалевший от ее внезапной улыбки Влад принял из рук в руки кремневое рубило и засунул в болтающийся на поясе мешочек. Искусство пришивать к одежде карманы было здесь, по всей вероятности, утрачено вместе с иными признаками цивилизации...

Ухватился за мощную нижнюю ветвь, влез, выпрямился, и широкая слегка шевелящаяся листва немедленно взорвалась яростным щебетом. Многочисленные дупла извергали еще более многочисленных серых птах, ведущих себя не просто бесстрашно, а прямо-таки агрессивно. Придерживаясь одной рукой за ствол и отмахиваясь другой от пернатых, Влад запрокинул голову. Что тут рубить-то? А! Понятно. В кроне было полно засыхающих и вовсе сухих ветвей, не иначе поврежденных металлом.

Дерево, казалось, было предназначено для лазания. Переходя с ветки на ветку, Влад быстро очутился на одном уровне со степью. Из листвы проглянуло небо. Влад потянул на себя сухую ветвь и, выяснив, что ее и рубить не надо – разбита в щепы у основания, освободил и сбросил. Она тяжело ухнула вниз, распугав пташек. Ошалело махнул сквозь крону похожий на кунцу зверек.

Надо же, какое приятное место! Век бы здесь лазал и горя не знал! Нет, правда, зачем вообще кочевать? Почему бы не взять и не поселиться в такой вот балке?..

Вторая ветка оказалась посложнее: высохнуть высохла, но за ствол еще держалась крепко. Влад запустил руку в мешочек на поясе и, поколебавшись, извлек оттуда не рубило, а нож. На всякий случай поглядел вниз. Да нет, листва плотная, не увидит. Небо над головой тоже вроде спокойное – синее, с легкой дымкой, без каких бы то ни было мерцающих спиральных паутин. А то полдня рубилом махать, пальцы уродовать. Уж лучше рискнуть разок, чем такая радость.

Влад выпустил из рукоятки лезвие и принялся кромсать твердую сухую древесину. Даже с помощью ножа резать пришлось довольно долго. Начали вдруг дрожать руки, прошиб пот. «А ведь тоже боюсь», – криво усмехаясь, подумал Влад.

Наконец последний ремень высохшей до твердости камня коры был перерезан, и в этот самый миг что-то хлестко ударило в содрогнувшийся ствол с той стороны и взорвалось, прошив листву металлической крошкой. Влад оступился и понял, что падает. К счастью, сухая ветвь, в которую он вцепился мертвой хваткой, была еще не выпутана полностью из кроны. Отчаянно ища опоры, Влад дотянулся до сомнительного по прочности сучка, но тут удар повторился. Что-то наотмашь хлестнуло по щеке.

– Влад! – Отчаянный вскрик Чаги.

Только бы не выронить нож! Эти самонаводящаяся дрянь лупит влет по любому быстро движущемуся металлу!.. Впрочем, теперь уже выяснено, что и по медленно движущемуся тоже... Наконец ему удалось убрать лезвие. Рукоятка покрыта поглощающим слоем, по идее, микроголовки должны потерять цель! По идее...

– Влад!

– Да здесь я, здесь, – бормотал он, прижимаясь к шершавому, как пемза, стволу и ожидая третьего удара. Третьего удара не последовало, и Влад перевел дыхание.

Идиот! Вот идиот! Комплексам ведь все равно, откуда ты такой взялся! Или ты думаешь, они только местных быют? Нет, уж лучше все руки кремнем поуродовать, чем вот так... Сердце колотилось, руки не слушались, по щеке стекало что-то горячее – то ли кровь, то ли пот, выясним внизу. Влад кое-как отпнул и спихнул чертову сухую ветку и стал спускаться сам, приостанавливаясь и отдыхая на каждом суку. Преодолев половину пути, он уже пришел в себя настолько, что даже смог осознать интереснейшую вещь: Чага впервые назвала его по имени.

Он спрыгнул вниз, коленки подвинулись, и пришлось коснуться руками податливой нестепной почвы. Выпрямился. Чага стояла перед ним с неподвижным, но каким-то слегка перекошенным лицом.

– Слушай, улыбнись, – попросил он по-русски. – У тебя это так хорошо получается...

11

Копать в самом деле не пришлось, но Влада это не выручило нисколько – блокнота он так и не раскрыл. Пользуясь близостью ручья, Чага устроила большую стирку и банный день одновременно.

Баня была холодная и с золой вместо мыла.

То, что Чага помешана на чистоте, Влад заметил еще давно: омовения совершались при малейшей возможности, и каждый зверь всенепременно и обязательно нес по два бурдюка с водой. Влад несколько иначе представлял себе быт кочевников и, слава богу, что ошибся...

Но черт возьми! Во-первых, тщательнейшие эти омовения съедали последние крохи свободного времени, а во-вторых, то и дело переходили в открытый идиотизм: Чага вполне могла заставить мыться перед рытьем окопа, например...

Было и третье неудобство: приходилось раздеваться догола, благо хоть по очереди. Влад не был ханжой, но на Чагу он в таких случаях не смотрел принципиально. Этакая ребяческая форма мести: ты вот меня горбатиться заставляешь, так я на тебя за это даже и смотреть не буду.

Зато сама Чага в этом отношении, как, впрочем, и в любом другом, вела себя весьма бесцеремонно: могла подойти, не скрывая интереса, оглядеть оценивающе... Влада это бесило, он отворачивался, заслонялся, а однажды, не выдержав, попросил удалиться. Чага приподняла брови и молча выполнила просьбу.

– Бойся женщину улыбающуюся, – сварливо бормотал Влад, вымывая из волос золу вместе с крупинками песка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.